

СЕМЕЙКА

В ТОМ ЧИСЛЕ...

***Уважаемые читатели!
Взрослые и маленькие!***

Жизнь - отличный учитель, но, к сожалению, она убивает своих учеников... Не помню, кому принадлежат эти слова, но пришли они на ум не случайно: умерла постоянный автор «Семейки» поэт Ольга Бешенковская.

Когда в четвёртом выпуске альманаха я дал сразу несколько, правда, в разных жанрах, ее материалов (подборку стихов, зарисовку о судьбе творческого наследия Сергея Гутана и рассказ о городе Штутгарте), то услышал от автора: «Нехорошо, что меня так много в одном номере!». Что я мог на это ответить? Что, зная о ее неизлечимой болезни, хотел подбодрить? Шестой выпуск открывается в память об ОльгеБешенковской ее стихами.

В этом номере вы обнаружите новую рубрику «В угол!». Ввести её пришлось не от хорошей жизни. Говорят, книга без опечатки невозможна. Как ни стараешься, а ошибки, иногда несущественные, иногда досадные, каким-то таинственным образом в нее просачиваются. Известен исторический анекдот, когда был написан труд о многочисленных опечатках в Библии, а потом появилась статья, в которой въедливый оппонент обнаружил в самом труде об опечатках... бездну их родимых! Тем не менее, ошибки надо признавать и над ними работать, для чего и придумана соответствующая рубрика.

Вновь расширилась география авторов. На этот раз это прозаики - Ирина Анастасиади (Греция) и Раиса Мармаринос (США.)

*Этот год по восточному календарю находится во власти свиньи.
Я придумал по такому случаю молитву:*

*Пусть будет год сей, Боже,
твоим перстом отмечен:
дай сала нам побольше,
а свинства дай поменьше!*

*Повторяйте эту молитву утром и вечером,
и, как пишется в пресловутых письмах, будет вам счастье!
До встречи.*

Составитель

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ,
Штутгарт, 1947-2006

*В этой жизни с порядком таможенным,
Горьким хлебом и кислым вином,
Утешительна мысль о возможном
Продолжении в мире ином...*

О. Бешенковская

В сентябре прошлого года в германской прессе появились многочисленные соболезнования по поводу смерти поэта, эссеиста, журналиста, литературно-общественного деятеля Ольги Бешенковской.

Ольга Бешенковская - автор более 1000 публикаций в альманахах, антологиях, различных периодических изданиях России, Украины, Германии, Франции, Америки, а также десяти сборников стихов и прозы, два из которых написаны на немецком языке.

Ну а я о ROTWEG 43,
Где мой дом - кровать и кабинетик...
Я ведь не политик, а фонетик:
Слышу звон - маюсь до зари...

«Маюсь до зари» – здесь не поэтическая гипербола, а повседневная реальность её жизни. Кроме большого таланта, Бешенковская обладала поразительной работоспособностью и редким в этом мире чувством ответственности! В Германии, куда Ольга Бешенковская приехала из Санкт-Петербурга 15 лет назад, она организовала и редактировала журнал «Родная речь», была составителем и редактором многих альманахов и книг. Уже смертельно больная, не оставила всё ради работы над личными рукописями (кто бы бросил в неё за это камень?!), а, преодолевая боль, из последних сил делала не свою книгу. Собранный и отредактированный ею сборник поэзии и прозы инвалидов «Люди мужества» успел выйти в издательстве Edita Gelsen до её кончины.

С момента появления альманаха «Семейка» стихи и статьи Ольги Бешенковской» практически не сходили с его страниц. В пятой «Семейке» материал Бешенковской о творчестве самодеятельной художницы Елены Смертенко появился уже в траурной рамке... В последующих выпусках альманаха будут опубликованы воспоминания о поэте и неизвестные читателю «Семейки» произведения из творческого наследия автора. А в этом номере захотелось дать в память об Ольге Бешенковской её стихи, ибо, начавшая профессионально писать с 12 лет, она была и остается, прежде всего, большим поэтом. Её поэтический дар высоко ценили современники-литераторы, а всемирно известный литературовед Ефим Эткинд как-то сказал о ней: «Ваше мощное соединение современности речи, сегодняшнего мышления и видения мира с античной образностью и перифразами классицизма, Ваше слияние отвращения и любви, духовного и отвратительно-материального, строгого и распущенного меня покорило».

***

Не в стране, не в году -
я живу в измеренье ином.
То к Вольтеру иду
ядовитым погреться вином.
То от рифмы «огонь»
простодушно пылает щека.
И вселенскую сонь
колыбелит напев ямщика.
Подтвердит программист:
«Так и есть, виртуальные миры...»
Дурачок, оторвись
хоть на миг от любимой игры:
Здесь не сайт и не чат,
что мелькают, друг друга пожав.
Видишь, озеро Чад,
где изысканный бродит жираф...
А подвину курсор -
и Елабуга, перстень, петля...
Небо - мой монитор.
И бездонная память - земля...

***

Кладбищенский Ангел мне дверь отворил,
Велел подождать за оградой...
Родители вышли, касаясь перил
невидимых, вея прохладой...
Дыханье - как взрыв у высоких ворот
в незримом присутствии Лика...
Ну что вам сказать? Продолжается род,
и нежно цветёт земляника...
И совестно вымолвить что-то ещё
на этом наречии бедном...
И сходит заря, как румянец - со щёк,
и небо становится бледным...
И с места - не сдвинуться, будто нога
вросла... Онемевшие чресла...
И женщина в чёрном торопит, строга...
А женщина в белом - исчезла...

***

Легкий - с изнанки жары - холодок.
Утренний август. Прощание с летом.
Хруст сухожилий. Сутулый ходок.
Сколько на Ваших? - Помедлит с ответом...
Кажется видимым шорох минут,
слышно, как яблоки зреют тугие...
Чуть зазеваешься - годы мелькнут...
Глянешь, очнувшись - а рядом другие
люди и нравы, деревья, дома...
(В рай или ад эмиграции чудо?)
Съежишься в майке. А это - зима.
Надо же, в августе... Боже, откуда...

2002

***

Досмотреть эту жизнь до конца, проморгав переход
в тишину Тишины и в Господне пространство иное...
Отчего негатив? - Бело-черный булгаковский кот
на ученой цепи ... (Метафизика иль паранойя?)
Я не верую в рай, кроме детства, когда махаон
трепетал на ладошке, её перепутав с ромашкой.
С рельс взлетел паровоз. Отмелькал золотой марафон...
Гол Приёмный Покой. И невидимый почерк размашист.
Снег слепит как в саду царскосельском в крещенский мороз.
Я не верую в суд, кроме честного взгляда в зеркало...
Этот лёгкий дымок изо рта - этот вечный вопрос:
неужели Душа? Неужели уже отмерцало?
Дотерпеть эту жизнь, эту боль, и очнуться в другой,
где Иисус не распят, не отравлены реки и книги.
Доверяя земле, трогать тропы босою ногой
и не знать, что за крылья повсюду расплата - вериги...

2004

xxx

Провинциальный мой покой
встревает разве телеграмма...
Пригубить три бодрящих грамма
и надломиться над строкой...
Да не своей, а Мандельштама.

Наверно, я уже в раю,
поскольку так и представляла
обитель тихую свою,
где кружка, книжка, одеяло.

А если кто-то скажет: «мало...» -
Глупец! - Над бездной... На краю...

Спартанский, нет, германский дух,
нет, философия солдата
в любом бою: обнимешь брата -
и рад.
И жизнь - жужжанье мух!

Вон заплутавшая одна
всё бьётся в свет, слюду ломая...

Какая разница, какая
эпоха, непогодь, страна...

Немного красного вина,
немного памятного мая...

Вздохни. К окошку подойди...
А там - там целые романы:
голубоватые дожди,
голубоватные туманы...

И в белой плесени платаны
как в седине...
Как - позади...

2004

ОТВЕТ ОДНОЙ УВАЖАЕМОЙ ПРЕСС-СЛУЖБЕ
НА ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Не лучи люблю я, а излучины
с их подводным, чуть дрожащим светом.
Не была я винтиком закрученным –
мне ли быть раскрученным поэтом?..

***

По небу ангелы бегали
и оставляли следы,
лёгкие, розово-белые,
тоньше морозной слюды.
Яркое солнце ноябрьское
тихо за крыши скользя,
было похоже на яблоко,
так, что банальней нельзя.
Вот ведь какая идиллия,
если о жизни всерьёз.
Кремль, и Рейхстаг, и Бастилия
ниже, чем уровень слёз...

2005

Алексею Кузнецову

Любимый, прощай и прости,
Что мало стихов посвятила.
Сначала ссыхались в горсти,
Мерцая гордыней чернила.
Потом наших дней круговерть,
Пелёнки, и плёнки, и гости.
И, кажется, столько стерпеть
Должны мы без приступов злости.
И вот роковая черта -
За ней не напишешь и строчки.
Любимый! Я больше не та,
Я вижу моря и листочки.
На ней, на черте роковой,
Виднее любовь и разлука,
И если б Амур был живой,
Он выстрелил снова из лука.

24 августа 2006 года

*(Последнее стихотворение Ольги Бешенковской,
4 сентября 2006 года её не стало).*

Ирина АНАСТАСИАДИ

Тинос

Ирина Анастасиади - прозаик и поэт, автор нескольких книг («Рог нимфы Адрастеи», «Любовь - как цветок на асфальте» и другие), родилась в Тбилиси, где работала журналистом, преподавала иностранные языки. С 1992 года живёт в Греции, впитав в себя, как губка, ещё один язык и ещё одну культуру.

«Греческий язык, - пишет она, - я бы назвала языком математическим. Его конструкции чётко запрограммированы. Его глаголы так точно описывают действие, что прилагательному уже нет надобности прилагаться. Именно благодаря этой своей черте, греческий дал миру целую армию философов.

Зато русский дал миру неповторимых писателей и поэтов. Конструкции русского языка столь эластичны, что, перемешивая слова, можно до бесконечности будоражить человеческую мысль».

Её колоритные рассказы не оставляют никого равнодушными. Доцент кафедры Славянских языков Сорбонны Дола Одресси, рецензируя книгу стихов «Любовь – как цветок на асфальте» справедливо замечает: «Ирина Анастасиади не пишет для всех, она пишет для каждого. Благодаря этой манере повествования и возникает столь редкий и ценный момент сопереживания».

Остается лишь пожелать читателю альманаха в полной мере ощутить этот момент.

Было ровно девять, когда в гавань Тиноса ворвался высоченный мужчина в светлом, не первой свежести плаще. На длинном узком поводке он волочил за собой малогабаритного всклокоченного пекинеса, который упрямо упирался в мрамор тротуара, и тогда кривенькие ножки его разъезжались во все стороны.

- Быстрее, Эдмон, не успеем! - подбадривал его человек. - Корабль уже входит в гавань!

Человека этого звали Никос Деласулас. Был он блестящим зубным врачом, автором многих учебников, знатоком пяти языков и вообще удивительным человеком. А пса звали Эдмон-Эдуард-Фредерик-Иван.

Эдмон - в честь героя Александра Дюма - графа Монте-Кристо, который и в бедности и в богатстве любил лишь одну женщину. Эдуард - в честь Эдуарда I - короля Британии, который поприкрутил викингов да понахватал земель Шотландии, Нортумбрии и Уэлса.

Фредерик - в честь соседа Нико - Фредерика Фосколоса, который был влюблён во многих женщин, но, в сущности, не любил ни одной. И который женился лишь для того, чтобы дать имя ребёнку, готовому появиться на свет. А теперь жил один-одинёшенек в большом пустом доме.

Иван - в честь царя всея Руси - деятельного и грозного Ивана Васильевича из рода Рюриковичей. Словно для того, чтобы оправдать это своё последнее имя, пекинес время от времени зло скалил зубы и рычал, глядя на пристающий к берегу корабль.

Тогда Нико спрашивал его на безупречном французском:

- В чём дело, Эдмон? Что тебя беспокоит?

На что Эдмон-Эдуард-Фредерик-Иван (кстати, имеющий ещё одно имя - Гюстав, которое употребляли только тогда, когда бедный Эдмон совершал какую-нибудь провинность), отвечал красноречивым взвизгиванием, подняв к хозяину умную мордашу.

- Ну успокойся, мой мальчик! Корабль не покушается на твою территорию, он просто входит в гавань.

Но Эдмона это утверждение нисколько не успокоило. Взглянув ещё раз на корабль-гигант, он снова тявкнул, поднял кривенькую ножку и помочился на канат, которым только что пришвартовали корабль к берегу.

- Ах, Гюстав! Ах, безобразник! - без тени гнева воскликнул Нико. - Что это за манеры?!

И, согнувшись вдвое, наклонился к любимцу. Люди оборачивались и тыкали в них пальцем. В самом деле, было в этих двоих нечто притягивающее внимание. Аристократическая осанка Нико, густая шевелюра начинающих седесть волос, усики а-ля Ришелье и борода в виде треугольника под нижней губой также в стиле великого кардинала как-то неуместно смотрелись на фоне выезжающих из чрева корабля грузовиков и торопящихся на берег туристов в сандалиях на босу ногу.

На дворе стоял ноябрь, но европейцы упорно не хотели верить в существование зимы. Зима и Греция в их представлении были просто несовместимы.

- Мочиться на канат, сударь? Как не стыдно? - выговаривал псу Нико, полностью пренебрегая взглядами прохожих. - Чтобы я больше не замечал этого за вами! Поймите, вы - не простой пёс. Не позорьте ваших имён! Кося правым глазом на корабль, Эдмон виновато вилял хвостом. Но тут девичьи руки обвилились вокруг шеи Нико, и нежнейший голосок спросил:

- За что ты ему опять выговариваешь?

Эдмон-Эдуард поджал хвост и просительно взглянул на хозяина. «Не говори ей! - тявкнул он. - Всё-таки, дама! Осрамлюсь!» Нико улыбнулся хитро любимцу.

- Опять голубей гоняет! - объяснил он. И тут же, сменив тон на интимный, а язык на греческий, сказал. - Ну, целуй меня, я тебя уже целую неделю дожидаясь!

В перерыве между поцелуями Анн спросила, сдерживая смех:

- Разве «de pisseur» - значит голубь?

- Не совсем, - признался Нико. И, притянув её к себе, поцеловал в губы.

Но когда они уселись в машину, он вдруг почувствовал, что на этом поцелуе весь их энтузиазм исчерпал себя. «Собственно, этого и следовало ожидать!»

- подумал он. Весь путь до Коми они промолчали. Было понятно, что хотя они оба изо всех сил стараются делать вид, что в их отношениях ничего не изменилось, в жизни Нико всё-таки существует ещё одна женщина.

Знали они и то, что Анн виновна в появлении той, другой женщины ничуть не меньше Нико. Но это не снимало проблемы. Впервые в жизни Нико оказался в ситуации, когда помощи ждать неоткуда... Да и желал ли он этой пресловутой помощи?!

Конечно, Нико не был святым! Он любил женщин. И женщины, в свою очередь, любили его. Но каждый раз каждая из них являлась для Нико единственной. И даже казалась ему чуть ли не богиней. Ибо Никос Деласулас был неисправимым романтиком. И ему совершенно не подходила та роль, которую навязывали ему две эти женщины, претендующие на его любовь и посягающие на его свободу.

Но тут, вероятно, мне придётся рассказать вам всё по порядку. Если, конечно, в любовных треугольниках вообще существует какой-либо порядок. Ибо страсть более всего похожа на стрелу, поражающую разум, как молния. И если ещё секунду назад ты считал себя Человеком Мыслящим, то, раненный этим легкомысленным оружием, ты уже безумен. Именно это и произошло с Нико в случае с Дорой.

Хотя и с Анн его связывали сложные отношения. Ей едва исполнилось шестнадцать, когда она впервые появилась в его врачебном кабинете. В свой второй визит она призналась ему в любви. А после третьего они отправились напрямик в кровать.

Потом её каникулы кончились, и она уехала обратно в Париж, а он в те годы опять жил в Афинах. Прошла неделя, и Нико почти позабыл о ней. Но на Рождество она опять вбежала в его кабинет, резво постукивая каблучками. И роман закрутился с новой силой.

Лето они провели на Тиносе. И там, плутая в лабиринтах узеньких улочек средневековой деревеньки по имени Триандарос, решили пожениться. Хотя теперь, оборачиваясь назад, в прошлое, Нико вспомнил, что это, собственно, было её решением.

- Ты должен сейчас же попросить моей руки у родителей, - сказала она страшно серьезно.

- Я бы предпочёл, чтобы нас повенчали прямо здесь и сию же секунду! - возразил он, останавливаясь возле малюсенькой живописной церквушки.

- Родители никогда мне этого не простят! - испуганно вскрикнула она. - Мы - семья с традициями.

О да! Они действительно были семьёй с традициями! Ему пришлось убедиться в этом на своей шкуре. А убедившись, бедняга почувствовал непреодолимое желание бежать прочь. Мать Анн оказалась пренеприятнейшей уродливой коротышкой. А её «традиции» граничили с живодёрством.

- Завтрак в нашем доме подаётся в семь тридцать, молодой человек! - безапелляционным тоном заявила она Нико. - Не опаздывайте, останетесь без завтрака!

- А когда у вас обед? - пытался отшутиться он. - Я лучше встану к обеду. Во всяком случае, точно не опоздаю.

- Воля ваша! - зло отозвалась Мари-Элен. - Только можете и к обеду не просыпаться!

Он принял её обещание за шутку. Но Мари-Элен Девилль не умела шутить. И в первое же утро Нико был лишён завтрака. Он страшно разозлился, но отступить было некуда. В обед решили объявить о свадьбе.

С первого же дня, с первой минуты, как они переступили порог дома с «традициями», Нико заметил в невесте некоторые изменения, которые были ему совсем не по душе. Вообще, надо сказать, что в присутствии матери все шесть детей мадам Девилль напоминали отлично выдрессированных морских котиков, шлёпающих лапами по сырým опилкам цирка и послушно вращающих яркие мячи на кончике носа.

И тут Нико впервые задумался, действительно ли он знает свою невесту. И пришёл к выводу, что не знает её вовсе. С той Анн Девилль, что ещё вчера смотрела на него глазами, источающими мёд, а сегодня лишь фиксирующими его присутствие в доме, он знаком не был.

Но отступить было некуда. И когда слуга в белой накрахмаленной рубашке и каком-то глупом синем жилете разлил по бокалам коньяк, Нико, тяжело вздохнув, выпалил родителям Анн о «своём» решении.

- Как это понимать? - взвизгнула Мари-Элен.

- Так и понимать! - беззаботно отозвался Нико, наивно предполагая, что спрашивают именно его.

Но Мари-Элен даже не смотрела на него. Колочим взглядом вцепилась она в дочь. Все остальные члены семьи молчали. Зависла душеровотная тишина. Такая тишина обычно украшает похороны.

- Какого он роду-племени? - спросила мадам Девилль, метнув в сторону Нико презрительный взгляд. - Да сразу видно - никакого!

Анн только опустила голову. Нико была совершенно безразлична эта семейка с «традициями», но молчания Анн он снести не мог.

- Почему ты молчишь? - тихо спросил он. - Тебе что, нечего сказать? Она даже не взглянула на него.

- Что ж! Тогда скажу я! - ему надоел глупый спектакль, который они разыгрывали перед ним. - Я раздумал жениться на вашей дочери. И не сделаю этого, даже если вы будете умолять меня. У каждого человека есть гордость. Хотя вы, по всей вероятности, об этом не задумывались. И моя гордость не позволит мне породниться с вашей семейкой.

Поставил свой бокал на столик и твёрдым шагом вышел из дома. Через час он уже спал в гостинице. А едва проснувшись, поехал в аэропорт. У дверей его афинской квартиры, свернувшись калачиком прямо на кафельном полу, спала Анн. Жалость полоснула его по сердцу, как холодный хирургический нож. Он мягко встряхнул девушку.

- Ты забыл свои вещи, - пробормотала она.

- Я бы сказал - оставил.

- Хочу быть с тобой, жить с тобой, - сказала она.

- Что ж, живи! Но на одном условии: никогда не проси, чтобы я на тебе женился. Потому что я никогда этого не сделаю. Хочешь, будем жить так?

- Мне достаточно просто быть рядом с тобой! - пролепетала она.

И снова его захлестнула жалость. Он поднял с пола чемоданы и внёс в квартиру. С тех пор прошло пять лет. У них было всё: и хорошее, и плохое. Иногда она оставляла его одного на слишком долгий срок, и он заводил с кем-нибудь шашни. Ничего серьёзного Нико себе не позволял... До тех до самых пор, пока Анн не привела в их дом Теодору.

- У бедняги Теодоры - просто страшная семейка! Измучалась она...- заявила ему как-то раз Анн. - Я пригласила её провести с нами несколько дней на даче.

- «Несколько» - это сколько? - поинтересовался Нико.

- Неделью, - отмахнулась она, - а может, и две.

Нико Дора не понравилась. Было нечто порочное в её чёрных ленивых глазах, в манере сонным взглядом уставляться на говорящего, в её налитом теле, а также в похотливом вилянии её ягодиц.

- Слушай, а тебе не кажется, что она - лесбиянка?

- Не кажется, - отрезала Анн.

- Ей тринадцать лет. Мы что же, в дочки-матери будем с нею играть?!

- До чего же ты жесток! - вскричала Анн. - Дора так несчастна! Отец её - вечно в плавании, а мать вечно занята своими любовниками. Ну что нам стоит приютить ребёнка?

- Делай что хочешь, а мне это не нравится!

Если б он тогда стукнул кулаком по столу! Если б настоял! Но к чему все эти «если», когда всё, что могло случиться, уже случилось?! Поздно! Дора присосалась к нему, как пиявка. Не везло Нико в делах сердечных! Не везло никогда!

Ещё в бытность свою студентом Нико имел продолжительную связь со своей преподавательницей. Одри была старше него лет на двадцать, разведена и имела взрослую дочь, почти ровесницу Нико. Девушка была тиха и скромна, зато мамаша была напориста и порочна.

Она напивалась до полусмерти сама и приучила пить Нико. Тем, что он не стал алкоголиком, Нико был обязан исключительно своему мощному организму. Иногда, глядя на пьяную Одри, он задавался риторическим вопросом... Мужчины, знаете, вообще обожают вопросы риторические.

«Зачем?» - спрашивал он себя. И действительно, зачем он терпел её? За её дьявольский ум, за образованность прощал ей этот страшный порок? Бедняга, он даже надеялся спасти её. Вместо этого сам попал в больницу с болезнью сердца.

Одри тут же перестала пить, бегала к нему в больницу по два раза в день. Кормила его крепчайшими бульонами и пирогами собственного изготовления. А Нико, едва выйдя из больницы, прервал с нею всякие отношения. С год Одри дожимала его телефонными звонками. Но Нико был непреклонен.

Сразу же после разрыва с ней он стал встречаться с Леной. Она была старше него всего лишь на семь лет. Имела одиннадцатилетнего сына и работала медсестрой в клинике, где Нико проходил практику. Она любила рассказывать о прочитанных книгах, если не умно, то, во всяком случае, долго. А кроме того, обладала двумя ценными, с точки зрения Нико, качествами: умением бесконечно долго говорить о своей любви к нему и необыкновенной искущённостью в постели. Месяца через два Нико привёл Лену к своим родителям. И объявил им о своём решении жениться на ней немедленно.

- Только через мой труп! - спокойно отозвалась его разумная мать. - Ты слишком молод, чтобы брать на себя ответственность растить чужих детей. Напрасно Нико размахивал руками, доказывая родителям уникальность своей любви к Лене. Краснел от собственного бессилия. Потел под материнским взглядом. Вспыхивал от оскорблений, наносимых его любви.

- А вы, голубушка, куда вы рвётесь? - строго продолжала его мать. - Разве вы не видите: он же ещё ребёнок. Я дам вам совет: уходите!

И указала Лене на дверь.

- Не позволю! - закричал Нико, дрожа от обиды.

- Мама думает только о твоём благе, - мягко объяснил ему отец.

- Я возненавижу вас! - беспомощно пробормотал Нико.

- Это пройдёт! - уверила его мать, и, повернувшись к Лене, повторила. - Пожалуйста, уходите!

И Лена ушла, не проронив ни слова. А Нико убежал в свою комнату и заперся. А когда через три дня вышел оттуда, то был похож на человека, перенёвшего смертельную болезнь и выжившего случайно. Ему казалось, что он не в силах будет простить родителей. Но стоило матери заговорить с ним, он понял: в его сердце нет ненависти к ним.

Всю свою сознательную жизнь он привык преклоняться перед родителями. В океане его собственных исканий их любовь друг к другу всегда была для него своеобразным маяком. Действительно, его мать была женщиной особой. И такой же особой в этой необыкновенной женщине была её любовь к мужу. И в силу этого подсознательного восхищения перед её способностью любить Нико выбирал женщин, которые умели переводить свои чувства на повседневный язык. Он, Никос Деласулас, может быть, был последним человеком на земле, верившим в любовь. И это с ним так жестоко обошлась его мать!

После сцены с Леной мать пыталась обращаться с сыном ещё мягче, чем прежде. Но это только унижало Нико. Ощущение собственной молодости стало противно ему до смерти.

- Я решил защищать диссертацию, - заявил он родителям, глядя в сторону. - Докторат буду проходить в Лондоне. Я уже получил ответ о своём зачислении.

- В Лондоне?! - растерянно спросила мать. - Почему так далеко?

- Меня заинтересовала тема, предложенная для защиты, - солгал Нико.

Ему было неприятно делать им больно. Но он твёрдо решил раз и навсегда покончить с положением зависимого. И он уехал. Очень удачно защитился и сразу же после защиты издал свою первую книгу. А сразу после этого принял очень лестное предложение от одной ведущей клиники в Лондоне. Словом, всё складывалось удачно в его карьере. Зато его отношения с Анн запутывались всё больше.

Всё началось одним препротивным дождливым утром. Нико как раз пил свой утренний кофе и думал о холодном тумане, что разлился за окном, о сером дождичке, что шелестел в саду, и о нахохлившемся небе.

- Ещё кофе? - ворвался в его мысли голос Доры.

- А? Что? - взвился он.

- Я спрашиваю, хотите ли вы ещё кофе? - повторила она и взболтнула полным стеклянным сосудом кофеварки.

- Нет! - отрезал Нико.

- Опять идёт дождь, - не замечая его недовольного тона, заметила Дора. - В такую погоду хорошо бы закатиться в какой-нибудь загородный ресторан и, сидя у окошка, глядеть на дождь.

Он молчал. Эта девка действовала ему на нервы. Ехали ли они на дачу, она увязывалась за ними. Собирались ли они в Париж на Рождество, а она уже упаковывала чемоданы. Бронировали ли они билеты на Тинос, а она была уже там, дожидаясь их.

День ото дня она становилась всё назойливее и наглее. Заявлялась к ним в любой час дня и ночи. Брала деньги взаймы, и, естественно, никогда не отдавала. Пила их коньяк. Распоряжалась их приходящей прислужгой. Но больше всего Нико раздражало молчаливое согласие Анн со всем этим безобразием.

- Отчего вы такой? - между тем, спрашивала его Дора.

- Какой это такой?

- Бука, - сказала она и уставилась на него вызывающе. - Неужели вы не понимаете?

- А что я, собственно, должен понимать?

- Что я вас люблю, - и её ленивые глаза нашли его глаза. Этот взгляд обещал так много, что Нико стало даже не по себе.

- Это, конечно же, шутка! - буркнул он в ответ, но в желудке что-то чмокнуло, засосало. На душе стало тревожно.

- Вовсе нет.

- Просто невиданная наглость! - пробормотал он, схватил свою чашку и взбежал по лестнице на второй этаж.

Когда два года назад он купил этот дом, ему виделись тихие завтраки в саду среди гардений и мирные вечера у камина. Эта девчонка в его планы не входила. С ней даже этот дом был неприятен Нико.

С тех пор, с того самого дождливого утра, когда Дора призналась ему в любви, он стал всячески её избегать. Хотя, скажите мне честно, как можно избегать человека, почти что проживающего у тебя в доме?! Бред, бред и бред!! Единственное, чего добился Нико - это ярости Анн.

- Что это за манеры? - кричала она ему. - Где тебя воспитывали?

- Разве человек не имеет права побыть немного в одиночестве в своём собственном доме? - спросил он. - И вообще, я не хочу, чтобы твои ученики рылись в моих книгах и открывали мой холодильник.

- Боже, какой же ты плебей!

- Я, может быть, и плебей. А вот твоя Дора - шлюшка.

- Шлюшка?

- Шлюшка, - подтвердил он. - И не далее, как вчера, она сделала мне недвусмысленное предложение.

- Лгун! - взвизгнула Анн

- Вот и говори женщинам правду! - флегматично заметил он. И вышел из спальни.

- Лгун и плебей! - догнало его на лестнице.

Неделю спустя в школе, где преподавала Анн, разразился скандал.

- Представь себе, - директор школы принуждал бедную девочку к сожительству, - рассказывала Анн Нико, - в результате бедняга в приступе отчаяния чуть не зарезала своего любовника. Ей никогда не излечиться от этой травмы! Несчастное создание!

Между тем, «несчастное создание» шло в наступление на Нико прямо на глазах у Анн.

- Мама купила мне небольшую квартирку, - говорила она, глядя мутными, сучьими глазами на Нико, - но мне никак не справиться с переездом. Может, поможете?

Нико читал газету и делал вид, что ничего не слышит.

- В самом деле, помоги девочке! - сказала ему Анн. - У неё, кроме нас, никого нет.

- Когда? - не отрывая глаз от газеты, спросил он.

- Завтра, - подсказала Теодора.

- Но завтра ты целый день будешь в Ливерпуле! - сказал Нико, намекая на неуместность просьбы.

- Ну и что! - отмахнулась Анн. - Помоги девочке!

Нико посмотрел на неё испытующе. Но Анн невозмутимо жевала свой шницель. И решительно не понимала, что происходит.

- Если ты настаиваешь... - сказал он.

- Настаиваю.

Когда на следующий день Нико поднялся в квартиру Доры, там ничто не указывало на переезд.

- Где же вещи? - спросил он, скорее потому, что надо было спросить что-нибудь. Хотя чего-то в этом роде он вообще-то и ожидал.

- Сейчас будем обедать, - ни к селу ни к городу, заявила Дора и расстегнула на себе робу.

Под робой она была совершенно голой... Нико даже застонал от еле сдерживаемого желания.

- Только не воображай, что это когда-нибудь повторится! - сказал он уже позже, поднимаясь с кровати.

- Не говори только, что ты её любишь!

- Люблю! - буркнул он. - И предупреждаю: не встречай между нами!

И ушёл злой на себя и на весь белый свет. «У девчонки вкус к любовным треугольникам! - бурчал он себе под нос, садясь в машину. - Гнать её надо из дому! Гнать в шею!»

Но напрасно он надеялся, что от Доры можно так легко избавиться. Ибо с того самого дня шёл ли он на работу, она шла за ним. Выходил ли на перерыв, а она уже дожидалась его в любимом кафе. Возвращался ли он домой, а она уже была там и взбивала ему коктейль.

Они занимались любовью везде: на его зубоврачебном кресле, в туалетах, на его с Анн кровати, и даже на его рабочем столе, среди его рукописей. И когда Нико понял, что ему нравится этот бесконечный риск потерять своё место в клинике, эта прямая угроза его любви с Анн, этот вулкан, способный разрушить всю его жизнь, было уже поздно. Страсть кипела в нём огненной лавой.

Конечно, они могли ещё долго развлекаться подобным образом, не будучи замеченными. Но Анн, вернувшись однажды чуть раньше обычного с работы, застала их на месте преступления. Анн забилась в истерике. А двое преступников бросились её утешать. Впрочем, ничего из этого не получилось. Анн рыдала всё громче. Тогда Нико пришлось указать Доре на дверь.

- Я предупреждал тебя, что если настанет время выбирать между тобой и Анн, я выберу её! - сказал он.

- Это мы ещё увидим! - самонадеянно заявила Дора, натянула на голое тело платье и, покачивая бёдрами, вышла из дома.

На следующее утро она уже сидела на зубокабинном кресле в его кабинете.

- Послушай, - вскричал он, - я больше не могу! Тебе же всё равно с кем спать, найди себе кого-нибудь другого!

- Мне нужен ты! - сказала она и протянула к нему руки.

Когда Нико вернулся домой, то был уже не в силах рассуждать логически.

- Я решил переехать на Тинос, - сказал он Анн.

- Когда? - упавшим голосом спросила она.

- Не знаю, - опустил он глаза. - Сегодня. Или завтра. Вероятно, всё-таки сегодня.

- Я не знаю. - Я запутался. Я попал в ловушку.

- Ты меня бросаешь? - прошептала она.

- Я бы так не сказал... - и ямочка на его щеке дёрнулась в нервном тике. - Но бороться со своей страстью я больше не в состоянии.

- Значит, бросаешь.

- Боже мой! - вскричал он в отчаянии. - Мне этого не вынести!

Но, несмотря на эти трагичные предположения, он всё-таки сложил чемоданы, ничего при этом не забыв. И, бросив на Анн грустный взгляд, ушёл.

Этим же вечером он сел на пароход. Дора была уже на Тиносе и даже успела позвонить ему оттуда. Весь путь Нико мечтал, удобно устроившись в мягком кресле и прикрыв глаза.

Иногда он открывал глаза и смотрел из окна на жёсткие линии белых деревушек, вперивался в васильковый простор моря, узнавая острова по их очертаниям. Щурился на красные лучи заходящего солнца. И снова погружался в мечты.

На Тинос корабль вошёл в девять тридцать. Нико уже хотел было взять такси, да передумал и отправился напрямёхонько в таверну «Старая Паллада». Здесь ничего не изменилось со дней его юности. Всё те же деревянные столики, выкрашенные в синий цвет масляной краской. Те же колченогие стульчики, тот же пёстрый кафель, истёртый миллионами ног. И тот же сладостный запах домашней еды.

Была середина июня. Час - десятый. Жара только-только стала спадать, и люди высыпали на набережную, чтобы окунуть разгорячённые тела в ночную прохладу. В самой таверне было пусто. Зато прямо на тротуаре, под белым брезентовым тентом, за столиками сидели, ели и смеялись счастливики. Нико уселся на плетёный, слишком тесный для его габаритов, стул и попросил вина. Время от времени к Нико подходили бродячие псы и вопросительно заглядывали в глаза.

Потом невесть откуда взялся всклокоченный кривоногий щенок, размером с ладонь. Минут пять он тщательно изучал Нико, склонив лохматую мордашу набок и облизывая чёрный влажный нос розовым языком. Затем дёрнул Деласула за брючину.

- Ты что, голоден? - спросил его Нико и взял щенка на руки.

Тот радостно взвизгнул. Лизнул Нико в нос. Обнюхал стол, и так как ничего на нём не нашёл, кроме стакана с рециной, то сунул язык в вино и стал жадно хлебать, разбрызгивая вино по всему столу.

- Принеси-ка нам что-нибудь посытней, - велел Нико появившемуся гарсону. - Жареную курицу. Или бифштекс, - потом с сомнением осмотрел щенка. - Впрочем, кто его знает, может, он ещё мал? Может, ему молока надо дать?

Гарсон оглядел пекинеса всезнающим взглядом и сказал:

- Да нет. Не такой уж он и маленький. Месяцев пять-шесть. Я думаю, ему можно есть всё.

- Вы хлеба ему дайте! - посоветовал Нико худой блондин, сидящий за соседним столиком. - Он, вероятно, потерялся.

Вся таверна вдруг оживилась.

- Недавно потерялся, - уточнил сосед слева. - Вижу, пострижен на днях. И шерсть чистая - без лишайёв и репейников.

- Давно, давно потерялся, - возразил сосед справа. - Я-то знаю. У меня самого - трое собак. Смотрите, как прильнул-то к вам! И тельце дрожит. Испуган, видно.

Щенок и вправду дрожал и теснее жался к Нико.

- Ну-ну! Теперь тебе нечего бояться! - лаская его, говорил Деласулас. - Теперь у тебя есть я!

- Видать, бросили щенка, - снова заявил всезнайка справа. Я-то знаю. Всех своих собак на улице нашёл. Люди вообще бездушны. Не говоря уже о женщинах.

- Наверное, всё-таки не все женщины, - возразил Нико.

- Все! Все! - настаивал его всклокоченный сосед. - Я-то уж знаю! В третий раз женат. И не верь им, когда они утверждают, что любят тебя. Им бы тебя в свою ловушку загнать, женить на себе. А там, глядишь, и о других вещах думать можно: о коврах, вазах да об искусственных цветах.

- Лично меня в женщинах совсем другое не устраивает. Меня их любовь не устраивает. Клянутся, что могут пожертвовать всем во имя любви. А как доходит до дела, только рыдают и обвиняют тебя же. Понимаете?

- Чего же тут не понять? - привычным жестом наливая себе вино, спросил сосед. - Женщина - сосуд мерзости.

Но тут принесли заказанное, и фаллократический диспут прервался сам собою. Нико принялся кормить щенка. Тот сначала слопал курицу. Потом

выхлебал весь бульон, жадно проглотил мясо и даже попробовал салат. А когда Нико налил ему в миску немного раки, то вылакал и это, чем вызвал известное оживление.

- Ишь ты! - восхитился сосед слева. - И раки пьёт! Такого мне ещё видеть не доводилось!

- А у меня кошка пьёт коньяк, - заявил неугомонный сосед справа.

- Да что вы?! - изумилась толстушка с чёрными усиками над верхней губой.

- Истинно говорю вам, - продолжал довольный произведённым эффектом всклокоченный тип, - пьёт коньяк, прямо после того, как выпьет кофе.

- Вот это да! - восхитилась толстушка.

Между тем, Нико подхватил щенка, прошёл на кухню, заплатил и исчез через дверь, ведущую на перпендикулярную улицу. Он знал, что Дора давно уже ждёт его, но очень уж хотелось поиграть в независимость.

И он побрёл по улочкам Хоры, наслаждаясь неровным светом уличных фонарей, горячими струями воздуха, источаемого тротуарами, и суতোлокою веселящихся туристов.

- Первым делом надо дать тебе имя, - задумчиво произнёс он. - Я назову тебя Эдмон-Эдуард-Фредерик-Иван-Гюстав. Нравится?

Щенок твякнул одобритительно и забил волосатым хвостом по спине Нико.

- Значит, тебя бросили? - спросил человек щенка.

Ему надо было выговориться.

- А я вот только что бросил любимую женщину, чтобы жить с нелюбимой. И если б не знал, как это глупо! Но я знаю! Только ничего не могу с собою поделывать.

Так они и бродили по городу до двух часов ночи. Зашли в пару баров, выпили, поговорили. Когда Дора открыла им дверь, оба - и Нико, и щенок - были пьяны и беспомощны.

- Вот, - сказал Нико, опуская щенка на пол, - знакомьтесь! Это Эдмон-Эдуард-Фредерик-Иван-Гюстав. А это, - и он кивнул в сторону Теодоры, - Дора.

Щенок обрадовался знакомству и пописал прямо на роскошный светлый мрамор пола.

- А зачем ему столько имён? - спросила Дора.

- Для внушительности, - ответил Нико, снимая туфли.

Ему было тошно. И, право же, он даже не знал, зачем он здесь с этой отвратной девкой.

- Вот и хорошо, - неизвестно что имея в виду, сказала Дора и стала снимать с Нико брюки.

Прошёл месяц. Днём Нико ненавидел себя, а ночью восхищался. Неизвестно как сложилась бы их совместная жизнь, только одним июльским вечером в тиносском доме Нико раздался телефонный звонок.

- Это я. - Сказала трубка голосом Анн. И этот голос дрожал. - Я хочу тебя видеть.

- Где ты?

- В Каллони у «Моисея».

- Бери такси и приезжай!

- А ты... Ты один?

- Один.

А уже следующим утром Нико звонил Доре в Афины, куда она уехала, чтобы повидать мать.

- Я не хочу, чтобы ты приезжала.

- Разве мы поедem куда-нибудь ещё? - томно спросила Дора.

- Нет. Во всяком случае, я не поеду никуда.

- Ах, вот оно что! - догадалась Дора. - Видно, снова объявилась твоя стерва.

- Прошу не забывать, что ты говоришь о моей невесте!

- А я-то думала, что болезнь под названием «невеста» прошла.

- А по-моему, с самого начала было понятно, что от того, что мы с тобой улеглись в кровать, ничего в моих планах не изменилось.

- Животное! - заорала Дора и бросила трубку.

Но уже на следующее утро она сидела в его гостиной. Проснувшись, Нико обнаружил её там, уютно устроившуюся на диване. В руках она держала один из томов Фрейда. Сама же Дора была нага. Но на этот раз Нико был неприступен.

- Одевайся! - приказал он.

- А что будет, если я не оденусь? - развалясь на диване, спросила она вызывающе.

- Тогда мне придётся применить силу.

- Ну применяй!

Поняв, что ему не остаётся ничего другого, Нико схватил её в охапку и вынес за порог дома. За ним бежал Эдмон-Эдуард, рыча, таякая и срывая голос. Дора кусалась и царапалась, как дикая кошка. Тем не менее, Нико удалось оставить её на веранде, захлопнув дверь перед её носом.

Тогда Дора принялась визжать и бить стёкла в доме. На крики сбежалась вся деревня. Кто-то прикрыл Дору сорочкой. Но она, сбросив её, пыталась взобраться в открытое окно. Тогда её связали и утащили в деревенский медпункт, где ей насильно ввели успокаивающее. Ну а Нико вернулся в спальню к Анн.

- По всей вероятности, она никогда не оставит тебя в покое, - задумчиво произнесла Анн.

- Кто, Дора?! - беззаботно отмахнулся Нико. - Да ну её!

- Тебе следовало бы отнестись к этому посерьёзнее, а не отмахиваться вот так.

- Разве всё это так важно? Важно, что ты наконец-то приехала!

Она с сомнением покачала головой. И оказалась права, хотя узнал об этом Нико поздно... даже слишком поздно. Он даже ничего не успел обдумать как следует, а ему уже звонили из клиники, требуя отчёта за прогулянные дни. И если не выяснится, что он был болен белой горячкой или лишён памяти, то ему придётся возместить клинике ущерб.

Земля уплывала из-под его ног. Надо было что-то предпринять. И Нико даже нанял адвоката... Но от всех этих ужасов, что случились с ним за последний месяц, он слёг в больницу с диагнозом «нервный срыв».

- Боже мой, сынок, что ты с собой натворил! - плакала его мать. - Лучше бы я не мешала тебе тогда жениться на Лене.

- Поздно, мама! Поздно! Теперь я сошёл с ума, и женитьба не принесёт мне никакой радости.

- Мой бедный, бедный ребёнок! Прости меня! Прости свою неразумную мать!

- Поздно, мама! - безучастно отвечал Нико.

Однако через пару месяцев он вышел из больницы в прекрасном расположении духа, отдохнувшим и полным решительности. Его любят две женщины? Прекрасно! Он будет жить с двумя. Почему, в самом деле, надо выбирать, терзаться, гнать кого-то из двоих в шею?! Две! - вот лучшее лекарство для психики.

Ах, как он, бедный, ошибался!... Но не о том! Не о том пойдёт сейчас речь. Всё в своё время! Между тем, дело с клиникой уладил его адвокат. И теперь Нико мог спокойно приниматься за работу. Его репутации и кошельку ничего не грозило. Казалось бы, всё позади. Но жизнь готовила Нико новые сюрпризы.

И тут надо бы сказать два слова о Эдмоне-Эдуарде, который ничуть не пострадал от этих перипетий. Можно даже сказать, что история с выдворением Доры и все последующие скандалы развлекли его. Во всяком случае, теперь ему представилась возможность предоставить доказательства своей лояльности к хозяину. И он предоставил их в избытке.

В больнице их привязанность доросла до абсурда. И всё чаще им стали не нужны слова, чтобы объясниться. Достаточно было взгляда, прикосновения - и всё становилось понятно. Даже врачи узрели, что перед ними разыгрывается одна из мифических историй любви, пусть то и была любовь между человеком и щенком, и возлагали большие надежды на этот союз. Их надежды, к счастью, оправдались.

Возвращение к жизни было полно надежд. В очень короткий срок Нико приобрёл огромную клиентуру и даже перестал брать деньги с безденежных пенсионеров. Вы думаете, это кто-то оценил? Ничего подобного! Хитрющие деды торопились к нему по любому поводу, в любой час дня и ночи.

Особенно старался не упустить своего шанса сосед Нико - Фредерик Фосколос, или просто Фред. Наморщив нос картошкой так, что очки на них вставали торчком, он говорил с ложным сомнением:

- Опять проклятый корень разболелся. Старость человеку, видать, не впрок. То тут болит, то там.

- Ну-ка, открой рот! - приказал ему Нико, натягивая одноразовые перчатки. Старик открыл было рот да передумал.

- Ты, конечно, думаешь: ходит вот старик, беспокоит по любому поводу, - говорил он, кося правым глазом, совсем как его тёзка-пекинес. - Ты с меня денег не берёшь, а мне хочется хоть как-нибудь тебя отблагодарить.

Посоветовать, например...

- Ну, советуй, - смеясь, отвечал Нико, - но быстро. Меня за дверью человек двадцать дожидаются.

- Тут старик Алимнос продаёт четыре гектара под Карьёй. Дочь замуж выдаёт. А потому я решил, что таким образом я вам обоим помогаю: тебе - землю приобрести (учти, вид - просто чудо!), а Алимносу - достать необходимые деньги на свадьбу. Логично?

- Логично! - согласился Нико.

- Значит, интересуешься?

- Интересуюсь, только после двух часов дня. А рот ты всё-таки, открой! Надо сказать, что Никос Деласулас был ужасно удачлив в делах. Казалось, деньги сами текут ему в руки. Даже тогда, когда он думал, что занимается исключительно спасением чьей-то судьбы, он заключал удачную сделку. Кроме того, его талант и бескорыстность привлекали к нему немалую клиентуру. И только в делах сердечных ему не везло тотально. И всё потому, что он слишком верил словам.

Когда он предупреждал Анн, что будет «жить с нею так», она с энтузиазмом отозвалась: «Мне всё равно, лишь бы быть с тобою!» Но едва он вышел из больницы, стала требовать брака. И напрасно он напоминал ей, что сделка есть сделка. Анн не хотела помнить. Как не хотела помнить Дора его предупреждения не встречать между ним и Анн.

- Ну почему они требуют от меня заведомо невозможного? - жаловался он щенку.

- Женщины! - таял тот в ответ.

- Я ведь был предельно искренен с ними. Никого не обманывал. Никого не обольщал. Почему бы им не оценить моей искренности?

- Щенок молчал. Он не знал ответа на этот вопрос.

И вот теперь, когда Анн приехала на Тинос, Нико решил, что стена непонимания, ставшая между ними, наконец, пала, и они снова будут счастливы. Но Анн как-то странно молчала. И только глядела перед собой, как будто видела привидение.

- Послушай, детка, не изводи себя! - сказал ей Нико. - Скажи, что тебя мучает?

- Ты уверен, что действительно хочешь это знать? - каким-то странным голосом отозвалась она.

- Я думаю, что интеллигентные люди всегда могут договориться. - И он уютно развалился в своём любимом кресле.

- Что ж! Ты облегчаешь мне задачу, - вздохнула она. - Помнишь, как ты предложил обвенчаться в малюсенькой церквушке. Помнишь, это было здесь, на Тиносе. Помнишь?

- Опять - двадцать пять! - буркнул Нико.

- Ну, в тот момент нас бы никто и не поженил, - продолжала она, не обращая внимания на его нахохленный вид. - Но, в сущности, я упустила своё счастье. И это целиком моя вина.

Нико с интересом разглядывал потолок.

- Однако я больше не намерена упускать свою судьбу. А женщина может быть счастлива только в браке. И вот, несколько дней назад некто сделал мне предложение. А я, как дура, бросилась к тебе, чтобы снова слушать старые сказки о любви. Всё, хватит!!! В субботу выйду замуж... не бойся, не за тебя! Было видно, что речь свою она приготовила заранее. И теперь только повторяла её, как заученный урок.

- А как же любовь? - Нико был оскорблён.

- Женщине нужен муж. А любовь - только слово, дрожащее на ветру, как бессильный лист. Я же хочу надёжности.

- Надёжности? - спросил он. - Как в банке?

- Как в банке, - подтвердила она. - Разве это запрещено законом?

- Я просто думал, что любовь не входит в сферу деловых контрактов.

- Почему для мужчин входит, а для женщин - нет?

- Ну, не знаю... Вероятно, оттого, что образ женщины от этого эстетически страдает.

- Те семь лет, что ты мурлыжил меня сказками о любви, мой образ эстетически не страдал. Он страдает только тогда, когда это выгодно тебе!

- Я признаю, что виноват перед тобою... где-то...

- Ах, это называется «где-то»?! - она пришла в ярость. - Мне нравится богатство твоего лексикона.

- Анн! - вскричал он, пытаясь обнять её.

- Не прикасайся ко мне! - И рыдая в голос, она выбежала вон.

А он остался стоять посреди комнаты. Эдмон-Эдуард увидев, что хозяин расстроен, поднялся на задние лапки, упираясь передними в крепкие ноги Нико. И заглядывая ему в глаза влажными глазами, твякнул: мол, не огорчайся!

- Может, оно и к лучшему, мой мальчик! - похлопывая щенка по спине, сказал Нико. - Раз уж избавились от одной, так лучше всего избавиться и от другой!

Но напрасно он воображал, что Дора даст себя оставить просто так. У неё имелись свои собственные планы на его счёт. Тем более, что в её жизни уже появился кто-то другой. Теперь ей надо было выяснить, на кого из двоих следует ей ставить.

- Я решила поехать в отпуск кое с кем, - заявила она как-то Нико. - Всё равно от тебя мало толку.

- А тебе обязательно нужен толк? - ухмыляясь, спросил он.

- Предназначение мужчины - жениться. Ну, а если он не женится - значит, я теряю с ним время даром.

Нико хотел сказать ей, что Дора не отличается оригинальностью мышления. Но потом подумал, что всё это ему даже на руку, и смолчал.

- Но ты можешь получить меня обратно, - вдохновенно продолжала Дора, по-своему расценивая его молчание, - если...

- Если? - вдруг заинтересовался Нико.

Он даже подобрел, как большой, ленивый кот, поджидающий свою жертву, у входа в норку. Рука его поглаживала роскошные усы. На губах играла усмешка.

- Если ты подаришь мне свой тиносский дом, тогда я, пожалуй, даже проведу свой отпуск с тобой.

- Спасибо, - очень вежливо ответил Нико, - но я не подарю тебе свой дом. И я не хочу проводить с тобой свой отпуск.

- Что ж! Нет, так нет! - сказала она, собрала свои вещи с театральной виртуозностью и ушла, хлопнув дверью.

Те шесть месяцев, что Нико провёл со дня её ухода, показались ему лучшими днями в его жизни. Казалось, даже солнце стало светить ярче, ну а море... море искрилось и сияло, и приглашало поиграть с ним ...

Он даже поверил, что сможет быть счастливым. Но вдруг шестого декабря, на его именины, совершенно неожиданно раздался телефонный звонок.

- С праздником! - сладко сказал в трубку голос Доры. - Гости будут?

- Как обычно, - машинально ответил он.

- Значит, будут, - подвела она итог своим мыслям. - А я тут тебе чудесный подарок приготовила. Занести-то можно?

«В конце концов, - подумал он, - душа у этой девочки чистая».

- Гости соберутся к девяти, - почти дружелюбно сказал он. - Буду рад тебя видеть.

Праздник был как праздник. Гости веселились. Песни сменялись плясками. И только Дора была безучастна ко всему. С ужасом Нико отмечал, как она

пьёт стакан за стаканом и как взгляд её становится недвижимым, а потому – страшным. Он подошёл к ней и сел напротив.

- Может, хватит тебе пить? – мягко спросил он.

- А тебе-то что за дело до меня? – и подняла на него мутные глаза.

И правда! Какое ему дело?! Нико только пожал плечами и отошёл от неё. Но, уходя, взял всё-таки бутылку с виски с собой.

Под утро гости стали расходиться. Сидя в углу, Дора с каким-то злорадством наблюдала, как один за другим уходят приглашённые. Когда же они с Нико остались вдвоём, он уселся возле неё и спросил:

- Тебя проводить?

- Вообще-то я рассчитывала переночевать здесь, – хихикнула она. – По старой дружбе.

- Не думаю, что это возможно. Лучше я провожу тебя. Где ты остановилась?

- В Пиргосе, – пробормотала она. А потом, взглянув на него диким взглядом, заявила нечто странное. – Ты про Ромео с Джульеттой читал?

- Читал, – устало ответил Нико. – Ещё в школе.

- Изумительная смерть! – пьяно всхлипнула она.

- О ком это ты?

- О Ромео с Джульеттой. Изумительная смерть! Изумительная любовь!

- Любви требуются лишь двое. А нас, если ты помнишь, было трое.

- Изумительная смерть! – упрямо повторила она.

- Послушай, – сказал он, пытаясь заглянуть ей в глаза, – если ты хочешь отравиться, то, пожалуйста, не делай этого у меня дома!

- О, я не собираюсь травиться! – захохотала она.

Когда они вышли из дома, стало светать. Над Коми висел густой туман. И из этого тумана выплывали куски домов и оград, деревьев и кустов, делая мир вокруг нереальным. И то ли от этой нереальности, то ли от пренеприятнейшей сырости, Нико вдруг стал бить озноб. Он оглянулся на дом, но и дом исчез в молочных хлопьях тумана.

В машину они уселись молча. Молча проехали Като Клизма и Каллони и выехали на новую трассу. Чем выше они поднимались в гору, тем гуще был туман. Дора притихла. Но когда они поравнялись с каменоломней, и Нико стал выкручивать вправо, Дора дико вскрикнула, и, бросившись на него всем телом, крутанула руль.

Нико только успел нажать на тормоз. Раздался визг колодок. Машину развернуло и ударило о мрамор памятника, поставленного среди дороги. Послышался звук раздираемого металла. Нико ударился головой о руль и потерял сознание. Очнувшись, он увидел лицо Доры, склонившееся над ним. Глаза её блеснули вольчьим пламенем. Нико хотел было открыть дверь. Но пальцы не слушались.

- Боже, смилуйся надо мной! – пробормотал он.

Дора захохотала пьяным смехом и провела рукой по его влажным волосам.

- Никто не может изменить сценарий, - почти нежно сказала она. - Тебе полагается умереть, Ромео!

- Я истекаю кровью. Позвони врачу!

- Мой бедный, бедный Ромео! - и она взяла его за руку. - Я буду сидеть рядом, пока не улетит твоё последнее дыхание.

Нико бессильно закрыл глаза. Когда он снова очнулся, было уже совершенно светло. Высоко повиснув над скалами, стояло мёртвое, упакованное в саван густых облаков солнце. Его бледные, холодные лучи то тут, то там прорывались сквозь туман, освещая студёную землю. Где-то близко закричал петух. Раздался звон колокола.

- Пять...Шесть...Семь... - шепотом считал Нико. - Семь. Счастливое число. Он улыбнулся и стал ждать.

Светлана ЗАГотова

Донецк

Родилась в деревне Бояды Починковского района Смоленской области. Окончила Днепропетровское театральное училище (актерское отделение) и Харьковский государственный институт культуры (режиссёрское отделение). В 1989 году принимала участие в IX Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве.

Публиковалась в журналах «Литературная учеба» (Москва), «Юность» (Москва), «Октябрь» (Москва), «Донбасс» (Донецк), «Соты» (Киев) «Lines Review» (Эдинбург, Шотландия). Участник коллективных сборников поэзии и прозы: «Антология современной русской поэзии Украины» (Харьков, «Крок»), «Антология русского верлибра» (Москва, «Трометей»), «Очень короткие тексты. В сторону антологии». (Москва, «Новое литературное обозрение»), «Книга Донецкой прозы. Enter», «Многоточие» (Донецк), журналы «Радуга» (Киев), «Дикое поле» (Донецк), «Освобожденный Улисс: русская поэзия за пределами России» (Москва, «Новое литературное обозрение», 2005) и др.

Автор книг «Эмпирические эпизоды» (Донецк, «Донбасс», 1993), «С миром по миру» (Донецк, «Кассиопея», 1999), «Стихи», изд. «Точка опоры» (Донецк, 2006).

Лауреат премии им. В. Катаева журнала «Юность» за 1994 год. В 1995 — лауреат литературной премии «Lege Artis» г. Лейпциг (Германия).

Стихи переводились на английский и украинский языки.

Работает главным редактором издательского отдела ООО ПКФ «БАО» (Донецк).

Член Национального союза писателей Украины.

О творчестве

Кусай, пчела, твой поцелуй, как рок.
Смелей впивайся ядовитым жалом.
Как птичка в клюве,
для тебя держала
я на губах своих арбузный сок.
Ты ж не оса. Кусай меня, асса!
Пчелиный яд целебнее бальзама.
Вот выход из бездушного Сезама,
где трутнями роятся словеса.
Надменно медовухи пригублю
распухшими от похоти губами.
Молчат тома глобальными гробами.
Меж них себе гнезда я не совью.
Всё сказанное в гробике карманном
покою отрешенно у бедра.
Оно живым казалось мне вчера.
Ах, лучше б оставалось несказанным!

Раиса МАРМАРИНОС

Бивертон

Родилась в городе Днепропетровске, живёт Америке. Филолог, американист, владеет 6 языками. Вместе с супругом, гражданином Греции, жила в Афинах, Париже, Мюнхене. Печаталась на Украине, в США, в Германии. Художник. Гравюры выставлялись в Санкт-Петербурге.

БЕЗУМНЫЙ ОРАТОР

*Все само собой ясно.
Спиноза*

В то лето мы жили у моря.
Надо ли напоминать, что летом с жильём туго? Ну, чтоб и не дорого, и прилично. Мы долго не могли найти ничего подходящего.
Но мы не сдавались. И наше упорство было вознаграждено.
...Чудаковатый дом, втиснутый, как портсигар, в гущу витрин и отелей, предложил нам за полцены местечко в полуподвале. Победа! Подвал? Ну и

что! Солидное место, модная улица. Соседство с самим «Хильтоном». И, кажется, с министерством. Мы не роптали. У министерства сверкали акулы туши зубастеньких автомобилей. Мимо носились клерки. Стрижка, костюм, портфель - весь этот антураж успеха, модный лоск радовали глаз. Всё-таки мы не в лачуге!

А дом-портсигар просыпался к полудню. Вот толстому боссу минителя, живущему прямо над нами, привезли пиццу. Юноша в униформе взбегаёт на крыльцо. Удерживая пиццу, словно поднос, звонит в дверь. О-о-с! С кишкообразной лестницы прямо к его ногам скатывается усатая старушенция. Ворчливо берет коробку... Уточним! Старушенция воображает себя контессой. У нее в роду, по ее словам, все были чуть ли не Рокфеллеры. А сынуля - осел! Никак не хочет жениться. И то правда: нелегко отыскать коронованную особу. Но всё же! Старушенция злилась.

А вот и он, почтальон!

Порхая с крыльца на крыльцо, напوماженный, словно министр, он, не сильно себя утруждая, затыкает газеты за золотой набалдашник. Но вот беда! Прибыли письма из Лондона и Австралии... Опять расшаркиваться? Вероятно, да!.. За письмом из Лондона спускается не кто-нибудь, а сама жена знаменитого доктора. Она, кашлянув, что-то язвительно рокочет. Ни дня без скандала! На фоне колонны мелькнул её крючконосый профиль.

Всё!

Обед!

Галдящий автобус подвез детвору. Оттуда клубком, пыхтя, огрызаясь, выкатывается драгоценное чадо, дитя архитектора. Перекормленная кубышка, с дико горящим румянцем, семенит к подъезду. Тоже штучка! Однажды вполглаза нам удалось окинуть хоромы, забитые мебелью. Архитектор занял два этажа! Служанка из Филиппин, с перепуганным насмерть лицом, с постоянной щеткой в руках, не успевала смахивать пыль. Следом, проверяя ее работу, шла архитекторша. Картинка, как комикс.

2

Ну и домик!

Мы убежали бултыхаться в море.

Грубо-материальный мир начинал давить. Все эти чопорные кварталы с вылизанным дизайном превращают тебя в два счета из человека в окаменелость. «Ладно! - говорили мы себе. - После моря укатим домой и - наше вам с кисточкой»!

Но какие сюрпризы преподносит жизнь!

Однажды на respectable улице, без предъявления личности, появился колоритный бродяга. Гол как сокол! Штаны без карманов. Пиджак, он же подстилка, в пятнах. Из бороды торчат соломинки. Дом ахнул!

Окинув насмешливым взглядом величание дома, бродяга сел. Потом, пройдясь между новеньких машин, высмотрел... Да, он выбрал именно эту, сизую от птичьего помета, облезлую таратайку, которая, как скелет, полный рваных газет и шмыгающих кошек, стояла у самого министерства! Как она здесь оказалась?.. Обычно подобную грудку железа увозят от глаз подальше.

Проглядели!

Пришелец быстро обжился.

Выгнал из таратайки кошек. Выскреб грязь. На окнах соорудил из газет подобие занавесок. Сиденья, распавшись, образовали ложе. Уже под вечер он отмечал новоселье. Купил вина, колбасы. Нацепив для фасона шейный платок, разложил немудреную снедь прямо на машине. И, попивая вино, облокотясь и жмурясь от удовольствия, стал жевать. Потом неожиданно забасил:

- Что, сони! Забились в свои дыры?

Хорошо поставленный голос крушил тишину.

- Вот она, сила деньжищ! Не дает ни жить, ни дышать!..

Дом замер. Что эта рвань себе позволяет? Кое-где задергались шторы. Взять бы его на мушку!..

А эхо тем временем катилось вдоль стен:

- Скажете, я сумасшедший? Как бы не так!

Оратор отпил вина. Пассионарность сквозила во всем его облике.

- Я в тысячу раз нормальнее вас. Но вы омерзительный фон! С вашей возней, школой вранья и вывихом сексуальных предпочтений. Вы - катастрофа-фи-ка мира...

Дом почти застонал.

Не к добру эта речь. И какой речеписец писал ему шпаргалку?

Но разве он скажет? Гость, ухмыльнувшись, залез в драндулет и уснул богатырским сном.

С какой стороны ни взгляни, анонимом быть лучше всего.

И началось!

Изо дня в день разоблачения не прекращались.

- Эй, толстяк! Брось из окошка пару носков...

Бродяга, пожившись, вскидывал взор:

- Мои продырявились... что, жаль?.. Ладно, не надо!.. Не то мамаша плеснёт кислотой.

Тричесав себя пятерней, он начинал насвистывать.

- А ты, доктор! Всё скрипишь? Общипываешь пациентов... Крючконосой все мало! Ты бы подсыпал ей яду...

Жильцы затихали за пеной штор.

Глотали язык.

Зоркость оратора становилась забавной.

- Ба! Клерк...

Острослов разгибался.

- Как ты устроился! Министерский билдинг - не шуточки. Волосок к волоску, машина... Ну, иди, иди! Не люблю вертлявых.

А день сиял.

Трусливо прошмыгнув к двери, явился наш почтальон.

- Снова письмо? - удивлялся оратор. - Это кому, архитекторше?..

Амурное дело! Бедолага - шаркай, звони...

- Где полиция? - взвизгнули из-за штор.

- Это ты, жена зодчего?

Оратор тоскливо возвел глаза.

- Подслушивать нехорошо. Кстати, этаж твой не рухнул?.. Мебели, как на складе. Раздала бы чуть-чуть...

Почтальон метнулся к колонне.

Холодная зоркость пришельца корёжила всех.

Куда бы ни дернулся, все о тебе известно.

Маски сорваны.

Что за акт развенчания?

Гнать его, гнать!

Кутерьма...

А ведь шаромыга совсем не глуп! Не пустомеля.
Всё правда. Один богател без меры, другой не хотел жениться, а третий, как крыса, брызгал слюной. Меха, яхты, скрытые шуры-муры... Дом насупился. Улице дан урок. Воздух вокруг оживился. Служанка из Филиппин, протирая окно, махала оратору, как победителю...

9

Но, увы! Оратор дал маху.
Нельзя слишком долго держать народ под пятой.
Однажды утром под окнами зарокотал грузовик... Драндулет подцепили, словно козявку, и увезли. А бродягу взяли под белые ручки. И больше его никто никогда не видел. Что шуму было? А окончилось гробовой тишиной...
Окна потупились. «Что, отделались? - вопрошало небо над крышей. - Дело в шляпе? Концы в воду?»
И снова скука налипла на лица. Туман, как студень, напоз на дома. Великий пафос - он не для всех. Как, впрочем, и мудрость. И пусть на плечах вырастают собачьи головы, что нам до этого. Пророки? Гнать в шею!

Татьяна ШАЙБУЛАТОВА
Норильск

Татьяна Шайбулатова родилась в Елабуге, выросла в Тольятти, живет в Норильске, работает руководителем центра развития литературного творчества. Выпускница литературного института им. Горького (семинар Игоря Волгина). Автор книг прозы и поэзии. Победитель сетевого конкурса женской прозы «Искусство быть свободной», лауреат Первого Международного фестиваля русскоязычных писателей в Греции в номинациях «Поэзия» и «Проза». В своё время о её творчестве хорошо отзывались такие известные литераторы, как Евгений Рейн и Виктор Астафьев.

В предыдущем выпуске альманаха увидели свет два рассказа Татьяны Шайбулатовой «Петрович и Мыш» и «Кто сердце успокоит?», тепло встреченные читателями. Пришло время познакомиться со стихами автора.

***

Как болен дом твой... грязное белье,
В подтеках неопрятная посуда,
Гнусавы окна - вечная простуда
С весны невымытых окон. Ё - мое!
И неприятно даже выпить чай
Из грузной, в старых пятнах кофе чашки,
И ты, с беспечным видом замарашки,
Подтягиваешь джинсы невзначай.

Твой болен сад и яблоки больны,
Заросшие тропинки, паутина
В лицо, и грузной веткой георгина
Я заслоняюсь от своей вины,
Что недопоняла, недовняла,
И то, что принесла как угощенье
На пир прощанья... нет,
на пир «прощенья», -
На краешке чумазого стола.

Здесь пахнет сыростью и стариной.
Труха и пыль. И ты молчишь упрямо.
И если скажешь что, то так гнусаво
Звучит твой голос - прежде золотой

И звонкий. Как он пел всегда,
О, эллинка печальная моя!
В какую темноту тебя рассудок
Заманит и в какое время суток?

Как ты больна! Ни красное вино,
Ни водка, ни мартини не спасенье.
Сплошной нарыв, сплошное потрясенье.
И наспех неоткрытое окно,
Как глаз отекший, мрачно смотрит в сад...
С моей ладони светит виноград...
Сочатся ядом горькие слова...
Как ты права! Ты, как всегда, права.
Но помолчи. Я уйду с крыльца
В глубь мрачных комнат. Пряная трава
Дурманит. Ах уж этот запах трав...
Твой болен муж. Он тоже вечно прав,
И вашей правоты неоднородность
Рождает напряженье и нервозность.

Бежать. Бежать! Уехать! Уползти...
Чтоб глаз твоих больных уже не видеть,
Чтоб вспоминать. Любить. Не ненавидеть.
Прости меня. Я уйду, прости,
Что нашей встрече я, увы, не рада...
Занозит руки ветхая ограда.
Я так хочу на много лет назад...

Светящиеся грозди винограда
С моей ладони светят в темный сад.

25.09.2006

Владимир АВЦЕН
Вупперталь

ОДИН ПОЭТ ИЗ КОТ-ДИВУАРА

Память наша устроена престранным образом. Я уже не говорю про причуды дальней и близкой памяти, когда легко можешь ответить, чем тебя кормили в детском саду, а что ел вчера на завтрак, не признаешься даже под пыткой – потому как не знаешь. Кроме всего прочего, она как-то непонятно избирательна: может запросто не зафиксировать что-то очень важное в твоей жизни, зато случайный вроде бы эпизод выхватит из времени и пространства да и оставит его тебе навсегда во всех деталях и подробностях... Я, например, хоть убейте, не помню, когда и где мы познакомились с Петей Свенцицким, хотя дружба с этим удивительным человеком подарила мне много радости и печали, и если из меня как литератора хоть что-то получилось, то этим я во многом и прежде всего обязан ему (университету, работе, жизни – потом) – его эстетическим предпочтениям и суждениям. Не исключено, хотя и не уверен, что первая наша встреча случилась в доме на Отечественной в конце шестидесятых годов прошлого века. Там же произошёл навсегда запомнившийся мне связанный с Петей эпизод, о котором я и хочу рассказать. Но сначала несколько слов о самом Доме.

На улице Отечественной, в стороне от главной городской артерии, но в то же время в нескольких минутах ходьбы от неё, в глубине двора с яблонями, абрикосами, клубникой и цветами стоял небольшой дом, где жили поэт Павел Яковлевич Шадур и его жена, литератор Любовь Георгиевна Оханова. Близкие люди в глаза, а остальные за глаза любовно именовали их Пашей и мамой Любой. Если есть на земле дома, где разбиваются сердца, то по закону гармонии должны существовать и дома, где сердца согреваются. Дом на Отечественной был именно таким. Какими обездоленными, точнее сказать, обездомленными стали мы все, когда однажды дом был продан, а его хозяева переехали в Киев! (Павел Яковлевич всю жизнь потом считал переезд большой ошибкой). Но продажа дома на Отечественной – дело будущего, а пока здесь постоянно толпится народ, не прекращаясь, кипят литературные (и не только) страсти. Из профессионалов там неизменно присутствовала неунывающая прозаик Нина Крахмалёва и частенько её антипод – сумрачно-молчаливый поэт Елена Лаврентьева. В основном же сюда чаще всего приходили, кто сам, кто с друзьями-подругами, начинающие, не обременённые на тот момент ни членством в Союзе писателей, ни изданными книгами, ни (за редким исключением)

публикациями литераторы. Саша Лихолёт, Света Куралех, Наташа Хаткина, Гриша Ициксон... Обрываю перечень, дабы совсем не уклониться от темы. Итак, о Пете.

Уже в ранней молодости Петя был автором довольно сильных стихов на украинском языке, его переводы философской лирики Тютчева получили высокую оценку учёных мужей и жён на тютчевских чтениях, организуемых кафедрой теории литературы Донецкого госуниверситета.

К моменту появления Пети в доме на Отечественной был он студентом Донецкого политехнического института, успев до этого окончить сельскую школу и перечитать в местной библиотеке, где работала его мама, всю имевшуюся там классическую и современную литературу. В этом нет ничего невозможного, если знать, что Петя мог за ночь осилить толстенный фолиант, а то и два, а к чтению пристрастился с младых ногтей.

Штудирование современной художественной литературы и потом (подозреваю, в ущерб учёбе в техническом вузе) не прекращалось ни на минуту. Амброз Бирс как-то заметил: «Эрудиция - это пыль, вытряхнутая из книг в пустой череп». Эта во многом справедливая сентенция американского юмориста - не про Петю. Мало того, что всё прочитанное каким-то чудесным образом укладывалось в его крупной, соразмерно росту, голове, так он ещё и в разговоре (а поговорить Петя был мастак) для подкрепления своих оригинальных и глубоких мыслей легко и всегда к месту постоянно извлекал из своей лохматой кубышки близкие к тексту цитаты. В дом Шадуря иногда заходил блистательный молодой филолог Валера Кормачёв, и, когда они с Петей беседовали или спорили о литературе, присутствующие при этом испытывали неопишное наслаждение!..

Как-то во время очередного позднего чаепития на Шадуровской веранде в котором принимало участие довольно много народа, Нина Крахмалёва попросила Петю поделиться мыслями о современной латиноамериканской литературе.

«О, - воскликнул Петя, - латиноамериканская литература - это же огромный пласт!» - и начал пространно и, как всегда, со знанием дела рассуждать об этом пласте.

Где-то по прошествии получаса Любовь Георгиевна прервала Петю вопросом о литературе сегодняшней Франции.

Петя не менее обстоятельно поведал, что он думает о французских прозаиках и поэтах.

После чего Нина поинтересовалась мнением Пети о последних новостях в немецкой, а Любовь Георгиевна - в польской литературах...

Петина речь на ночной веранде текла, словно воды Кальмиуса, тихо и плавно. Не обладая Петиными обширными познаниями, мы слушали его с неподдельным вниманием. Он же, чувствуя это, был в ударе.

Во время монолога об особо любимой Петей польской литературе Нина Крахмалёва вклинилась в микроскопическую паузу.

- А что ты, - спросила она, - можешь сказать о литературе Берега Слоновой Кости?

И тут с Петей произошла резкая метаморфоза. Он сник, смутился и, заикаясь, что случилось с ним в моменты сильного волнения, произнёс:

- Ну, в-во-первых, эт-ту страну переименовали, она т-теперь называется Кот-Дивуар, а в-во-вторых, к моему великому стыду, я з-знаю там только одного п-поэта...

Какого поэта из Кот-Диваура знает Петя, так и осталось для всех вечной тайной, потому что в этом месте и без того полнолика Нина Крахмалёва раздулась, покраснела и, рискуя лопнуть от сдерживаемого смеха, громко прыснула. За ней захохотала Любовь Георгиевна. Только тут до нас дошло, что мы стали свидетелями и невольными участниками двухчасового розыгрыша и тоже покатались от смеха. Понял это и Петя. Он выскочил в ночной сад и от обиды разрыдался...

Обиделся он зря, ибо вышел из розыгрыша победителем. Затеявшие его старшие литераторы надеялись, что на Береге Слоновой Кости молодой всезнайка уж точно проколется! А он, в отличие от них и всех нас, не только знал о другом названии этой забытой Богом страны, но ещё и каким-то невероятным образом сумел прочесть её одного (может, вообще единственного) поэта...

С тех пор много воды утекло из нашего Кальмиуса в Азовское море.

В 22 года умер Валерий Кормачёв, в 34 погиб Григорий Ициксон, не стало Любовь Георгиевны и Павла Яковлевича... Некогда зелёная молодёжь обзавелась детьми и внуками, некоторые из подающих надежды стали известными, а главное, хорошими поэтами и прозаиками, понаписывали замечательных книг, кто-то уже издал избранное... По части детей Петя от остальных не отстал, а кое-кого даже опередил, а вот собственных томов на его книжных полках не появилось. По молодости я объяснял это его ленью, но сейчас понимаю, что причина не в ней. Он мог часами общаться с друзьями, сутками разглагольствовать о литературе, запоем читать, сорваться в любой момент и мчаться куда угодно и с кем угодно, короче, совершал деяния, для ленивого немыслимые! Причина и не в излишнем пристрастии Пети к пиву - известно немало пьющих людей, наработавших за жизнь хренову гору. Дело в какой-то особой врожденной патологии, название которой мне не ведомо. Щедро одарив Петю энергией и талантом, Бог по

какой-то причине лишил его одного элементарного, но совершенно необходимого литератору качества - способности сидеть за письменным столом. Много лет назад и всего дважды в жизни мы выступали с Петей как соавторы статей (одна о литературе, вторая о кино), и оба раза я всего лишь добросовестно с минимумом редакторских поправок записывал Петины монологи, которые он произносил, расхаживая по комнате и время от времени устремляя взор куда-то вверх, как будто (а может, и впрямь) именно там черпал свои мысли. Повторяю, моё участие в создании статей было мизерным, но, не сядь я с ручкой и бумагой за стол, они бы на свет не появились. Моё отношение к Пете тех лет отразилось в одном из моих стихотворных литературных портретов, написавшихся в начале 80-х. Петя заглянул ко мне на фабрику игрушек, где я работал в газете, аккурат на следующий день после того, как я закончил это стихотворение. Выходим в коридор, и я, волнуясь сильнее обычного (передо мной ведь не только строгий критик, но и герой творения!), читаю:

Связался с бабой-дурой
и мучим маемой.
Ему б гулять с бандурой
да по Руси святой.
Ему бы взять в собраты
и в радость и в беду
хохлатского Сократа -
Грицька Сковороду.
Они б вдвоём сучили
извечных споров нить,
они бы порешили,
как нам на свете жить.
Но, видно, для подвоха,
а может быть, со зла
его не та эпоха
на свет произвела.
Он неприкаян бродит,
и, как квашня в горшке,
тьма светлых мыслей бродит
в нечёсаной башке.
Ему без дела тошно,
но более всего
он тратит сил на то, чтоб
не делать ничего.

Пьёт пиво, красно бает
(лишь слушай и глазами)
да трояки сшибает
у любящих друзей.
Ему за то простится,
что бестолково жил.
Он опоздал родиться,
а может, поспешил.

Читаю и вижу, как большие Петины глаза наполняются слезами. Замираю в сладком предощущении похвалы. Он, что называется, сгребает меня в охапку и проникновенно говорит:

- Старик, ты, конечно, будешь смеяться, но нет ли у тебя трояка?..

Помню, как сетовал Гриша Ициксон:

- Идём с Петром по городу, он по дороге, как обычно, успевает рассказать пару задуманных им новых рассказов. Рассказы великолепные, практически завершённые - только сядь и запиши, что я ему и советую. «Угу, - говорит, Петро, - трэба будэ якось запысаты». На этом у падлы такого всё и кончается!

Гриша же рассказал мне, как во ВГИКе, где Петя какое-то время учился, обсуждали тему мелодрамы. Петя один проговорил об этом жанре чуть ли ни весь урок. Восхищённый преподаватель, не подозревая, с кем имеет дело, предложил ему срочно писать о мелодраме то ли курсовую, то ли сразу диссертацию, на что последовал знакомой до боли (правда, на этот раз по-русски) ответ: «Да, надо будет как-то написать»...

...К счастью, не всё так мрачно и безнадежно. Немало стихов Петя всё-таки сочинил, и, что самое важное, записал. Есть у него переводы с русского, польского, немецкого и, возможно, с других языков. Несколько лет назад читал он мне из своих тетрадок афористичные размышления о литературе и жизни - как обычно, интересные и отличного литературного качества. И если означенные стихи, переводы и тетради с Петиними мыслями не потеряны, то, однажды став книгой, они, смею надеяться, доставят читателю такие же удовольствие и радость, какие когда-то доставляли его друзьям.

Р. С. Днём 6 ноября 2006 года в донецкой больнице, не дожив трёх месяцев до своего 59-летия, Петя скончался от заболевания лёгких.

Михаил БАСИН
Хайфа

Сначала я услышал и полюбил песню Николая Якименко про маленькую женщину-лису на слова мне неизвестного, а потому тут же вылетевшего из головы автора. Потом поэт Марина Гершенович настойчиво порекомендовала сходить на концерт приехавшего из Израиля Миши Басина. «Не пожалеешь!» - заверила она. Я женщинам верю, а Марине особенно. Сходил, не пожалел, а кроме того, с радостью обнаружил, что Михаил Басин и есть автор текста про женщину-лису...

Михаил Басин в предисловии к своим стихам в «Книге на четверых» (Санкт-Петербург 2005) сообщает, что родился в Москве в 1957 году, там же окончил институт связи, работал в строительном-монтажном управлении, автобусном парке, Центральном Доме литераторов. Автор стихов, песен и театральных перфомансов.

В Израиле - с 1990 года.

Слушая Ляо Чжяя

Моей Лисе

- Маленькая женщина-лиса,
ты откуда рыжая такая?
Из Китая, что ли?

- Из Китая,
где совсем иные небеса,

где иные сны приходят с гор -
с гор ночных, загадочных, восточных,
где вода в каналах водосточных
понимает лисий разговор,

где живет душа поэта Ли,
тоже понимавшего по-лисьи,
где стихи, изящные, как листья,
тихо улетают от земли.

Там течет великая река,
и все так же преданно и кротко
ждет поэта маленькая лодка
в зарослях речного тростника...

Больше не понять тебе пока,
ибо здесь от слов не будет толку.
Если только кисточкой по шелку...
Если только птицей в облака...

- Рыжий мой, отчаянный зверек,
как же ты сюда из этой дали?
- Мне в беде печали помогали
и капкан от пули уберег.

Что капкан! Куда страшнее путь
без дороги... Знание без названья...
А капкан - простейшее создание,
мы его обманем как-нибудь.

- Кто же ты, нездешняя лиса -
бес приبلудный или дух небесный?
Знать, тебе судьба моя известна
и слышны из бездны голоса?

- Каждый получает в свой черед,
что ему назначено от века.
Каждый - от лисы до человека,
и не надо забегать вперед...

Хочешь осень разгоню с лица?
Хочешь сны нескучные навею?..
Ничего я больше не умею...

Так сказала хитрая лиса,
оборотень, маленькая фея...
Я теперь не разлучаюсь с нею,
потому и верю в чудеса.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

В пятом выпуске «Семейки» по недосмотру составителя в «Содержании» не указано имя Александра Кресса - автора материала «Дюссельдорф».

Фотографии к этой статье подбирала и делала подписи к ним Карина Бахмутская, что тоже не было нигде отображено.

Приношу извинения авторам, постараюсь ничего такого впредь!

Составитель

Генрих ШМЕРКИН

Кобленц

Харьковчанин. Образование высшее техническое. Был проектировщиком, солдатом, учителем, ночным сторожем, электромонтажником, тамадой фирмы обрядовых услуг. Большую часть жизни проработал «инженер-саксофонистом» (днём - в проектном институте, вечерами - в кафе и на танцплощадках). Публиковался в «Литературной газете» и харьковском еженедельнике «АТВ», писал сценарии развлекательных программ для телеканала «Орион».

В 1992 переехал в Германию. С 1998 - более 250 публикаций в периодике («Магазин Жванецкого», «Крещатик», «Новый крокодил», «Сумасшедший дом», «Партнёр», «Родная речь», «АиФ» и многие другие). Автор нескольких книг иронической поэзии и прозы. Лауреат премии журнала «Литературный Европеец» 2004-2005 г.г. в номинации «За юмористические рассказы и стихи».

Член Союза русских писателей в Германии.

В прошлом году вышел в свет двухтомник стихов и прозы - «Иронизменно о возвышенном» и «Харьковское море». В книгах приведены отзывы известных литераторов о творчестве этого замечательного писателя. Вот некоторые из них:

«...Юмор пронизывает прозу Шмеркина, как солнечный свет весёлую прозрачную берёзовую рощу...» *Андрей Кучаев.*

«...У Генриха Шмеркина есть то особое, слегка печальное, всепонимающее чувство юмора, которое превращает рассказы в прозу, а стихи в поэзию...» *Ольга Бешенковская.*

«...Шмеркин пишет свободно и, как видим, хорошо. С юмором. С настоящим юмором, то есть с горьким. Потому что юмор без горечи - это не юмор, а зубоскальство... Хорошо ещё, что у автора есть и чувство самоиронии, оно всегда признак силы...» *Владимир Войнович.*

Песня по снегу

Сыну Лёне

По снегу можно бегать,
по снегу можно мчаться,
По снегу можно девочек
на саночках катать,
По снегу можно шатко
со свадеб возвращаться,
По снегу можно милых
до дома провожать!

По снегу можно долго
с девчонкою прощаться,
По снегу можно голым
из баньки вылетать,
По снегу можно бегать,
по снегу можно мчаться,
По снегу можно ползать,
а можно -

тосковать...

***

Как хорошо актёром быть -
Являть коварство и отвагу,
На сцену шумно выходить -
Рукой придерживая шпагу!

Красивым голосом вещать -
О судьбах Фландрии свободной.
Винища привкус ощущать,
Цедя из рюмок чай холодный.

Смотреть на красочный прибой,
Вдыхая запах декораций.
Вступать со злом в неравный бой,
За слабых смело заступаться.

По ходу пьесы быть убитым -

На землю рухнуть, как стена,
И видеть глазом приоткрытым,
Как плачет по тебе жена.

Кинжал подмышкой стиснув острый,
На пыльной площади лежать
И знать, что смерть твоя - притворство,
И тихо занавеса ждать...

Счастье - разлюбить

*«Любить, влюбиться - вот беда...»
Б. Чичибабин*

Любовь - мирская маета,
Волненья, вздохи, пересуды...
Влюблённым быть - ну да, беда...
Но разлюбить - какое чудо!

Какое счастье - разлюбить!
От тяжких пут освободиться,
И перестать занудой быть,
Рабом, посмешищем, ревнивцем!

О женских ножках говорить,
Шутить, обманывать, смеяться,
Не верить, не боготворить,
Не припадать, не поклоняться!

Сорвать наброшенную сеть,
Чтоб стать самим собою снова,
Души уродство разглядеть
Сквозь красоту лица родного,

Терзанья сдать в металлолом,
Сомненья вышвырнуть в болото...
И снова втюриться в кого-то
За губ загадочный излом...

***

*Почто меня под корень рубишь?
Почто, чуть что - холодный душ?!
За что меня ты так не любишь?! -
Ведь я тебе пока не муж!*

**Баллада
под эскалоп
с картофелем фри
(или «Плач Израиля»)**

М. Светлову, Э. Багрицкому, А. Башлачёву, А. Вознесенскому,
А. Пугачёвой, а также бывшему директору ресторана «Чайка»
Харьковского треста столовых и ресторанов Ивану
Андреевичу Козлобаеву посвящается...

«Музыка входит в стоимость блюд»
(Табличка,
висевшая рядом с эстрадой
в ресторане „Чайка“)

Жил мужичок в Березани -
Кур и корову держал,
Серой рассветною ранью
Лук и редиску сажал.

К вечеру лишь разгибался
И за дровами - в лесок!
Тяжко ему доставался
Хлеба ржаного кусок.

Скромный, простой, без притворства -
Жить бы такому и жить!..
В город он как-то попёрся -
Думал рассады купить.

Вот он по городу бродит,
Ехать домой - не резон.
Вот в ресторан он заходит
С мерзким названьем «Муссон».

Знает он этих муссонов:
Что ни муссон - то масон!
Все эти Вольфы, Вольфсоны,
Бен Гурион и Кобзон!

В зале оркестрик играет,
Песни певица поёт,
Вот он гарнир получает,
Пиво «Славянское» пьёт.

В общем, чего ещё надо?
Вдруг...

Посреди суеты...

Вышел скрипач на эстраду -
Нотные вынес листы.

Вышел скрипач полупьяный -
Наканифолил смычок,
И в полумрак ресторанный
Плач его скрипки потёк.

Скрипка поёт и рыдает,
Тробка графина дрожит,
Сердце в груди замирает,
Видит картину мужик:

Вот он на горькой чужбине
С Фиркой, наверно, своей;
Вот он бредёт по пустыне,
А впереди - Моисей.

Вот на камнях раскалённых
Он выпекает мацу,
Вот атаман разъярённый -
Шашкой его по лицу!

Вот он - процентщик из Вильно -
Прячется с дочкой во ржи,
Вот их находят, безвинных,
И -
...разрыдался мужик!

Громко в салфетку сморкался,
Слёзы на скатерть ронял,
Эхом ему отзывался
Старый разбитый рояль.

Пахло бульоном и грилем,
Муха ползла по стеклу...
«Что это?»
«Плач Израиля» -
Брякнул сосед по столу.

Боже, яви своё чудо!
Смилуйся, матушка Русь!
Сирия! Польша! Откуда
В нём иудейская грусть?!

Он к оркестрантам помчался
Чувства не в силах смирить;
К ним на эстраду взобрался:
«Можно мотив повторить?!»

Слёзы из глаз его льются,
Голос за душу берёт,
Но - оркестранты смеются:
«Можно. Но бабки вперёд».

Он тогда продал скотину,
Продав избу и кровать,
И на все деньги просил он
«Плач Израиля» сыграть.

Харьков, скажи своё слово,
И, Александровск, ответь:
Как до паскудства такого
Смог наш мужик допереть?!

Лабухи деньги забрали
(В этом они - мастера!),
И для него поиграли
Где-то часа полтора...

Снова он, стыд пересилив,
Просит, в купели крещён:
«Мальчики... Плач Израиля...
Сделайте, братцы, ещё!».

Слёзы солёные льются -
Хошь вытирай, хошь глотай!
Снова артисты смеются:
«Батя, бабульки давай!».

- Как?!
Я же продал скотину!
Продав избу и кровать,
Землю родную покинул -
Только чтоб «Плач» услышать!

...Что ж вместо «Плача» он слышит
В наши бесстыжие дни?
«Нас это, блин, не колышет.
Бабки по новой гони!».

...Он на груди своей с треском
Молча рубаху рванул
И на глазах у оркестра
Ноги свои протянул.

Так и лежал меж столами,
Словно подтекст между строк,
Лель с голубыми глазами -
Музыки всей поперёк.

Умер, лукаво не мудрствуя,
В страсти неистов и лют,
Так и не зная, что

«...музыка
входит
в стоимость
блюд»..

Признание

Я на тебя смотрю с любовью,
Привык и вовсе не стыжусь.
От кекса и бифштекса с кровью
Я «на тебя» не откажусь.

Я о тебе ночами брежу,
Я на тебя хожу в кино!
Я на тебя в трамваях езжу
Со всей общагой заодно!

Качу в заманчивые дали,
Набрал посуды и тряпья...
Мне на тебя квартиру дали,
Я зубы вставил на тебя!

Я - выражаясь кучеряво -
Без «на тебя» не мыслю жизнь.
Я верный рыцарь твой, халява,
И не единственный, кажись...

***

Когда-нибудь, я твёрдо это знаю,
В прибор чернильный уронив чело,
Поэт навек отлюбит, отстрадает...
Но не отпишет, точно, ничего.

Хворь-стори

(стихи на злобу века)

*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...
А. Блок*

Улица. Фонарь. Аптека.
Вата. Йод. Пенициллин.
Русь. Маца. Начало века.
Дело Бейлиса. Тфиллин.

Грязь. Безграмотность и серость.
Мази. Грелки. Порошки.
Царский гнёт. Черта. Оседлость.
Большевистские кружки.

Отречение. Аврора.
НЭП. Угар. Раздача польт.
Волны красного террора.
Луначарский. Мейерхольд.

Фары. Свастика. Аптека.
«Фойер!». Шмон по погребам.
Бабка. Яйка. Курка. Млеко.
Конференция. Потсдам.

Жертвы культа. Куба - наша.
Гул Гулага. Мао - враг!
Космос. Кузькина мамаша.
Кукуруза. Пастернак.

Эрмитаж. Библиотека.
Коммунизма громкий клич.
Всё для блага человека.
Лично Леонид Ильич.

Перестройка. Ломка сиречь.
Пуща. Ваучер. Форос.
Бледный Михаил Сергеич
В белом венчике из роз.

Мерседесы. Джипы. Пробки.
Стены древнего Кремля.
Из-под ксерокса коробки.
Конституция. Семья.

Лязг челябинских колоний.
Горизонты. Вертикаль.
Храм Спасителя. Полоний.
Накось-юкось! Газ-централь.

Патриоты. Ипотека.

Бандюки. Базар-вокзал.
Снова улица. Аптека.
Сердце. Печень. Веронал.

Мозг обидами изранен.
К инородцам - нелюбовь.
Чемодан - вокзал - Израиль
И, увы, аптека вновь.

***

От веков осталась глина.
От звезды осталась пыль.
От акрополя - руина,
От компьютера - утиль.

От сосны остались щепки,
От избы - золы чуть-чуть,
От любви остались детки -
Любо-дорого взглянуть...

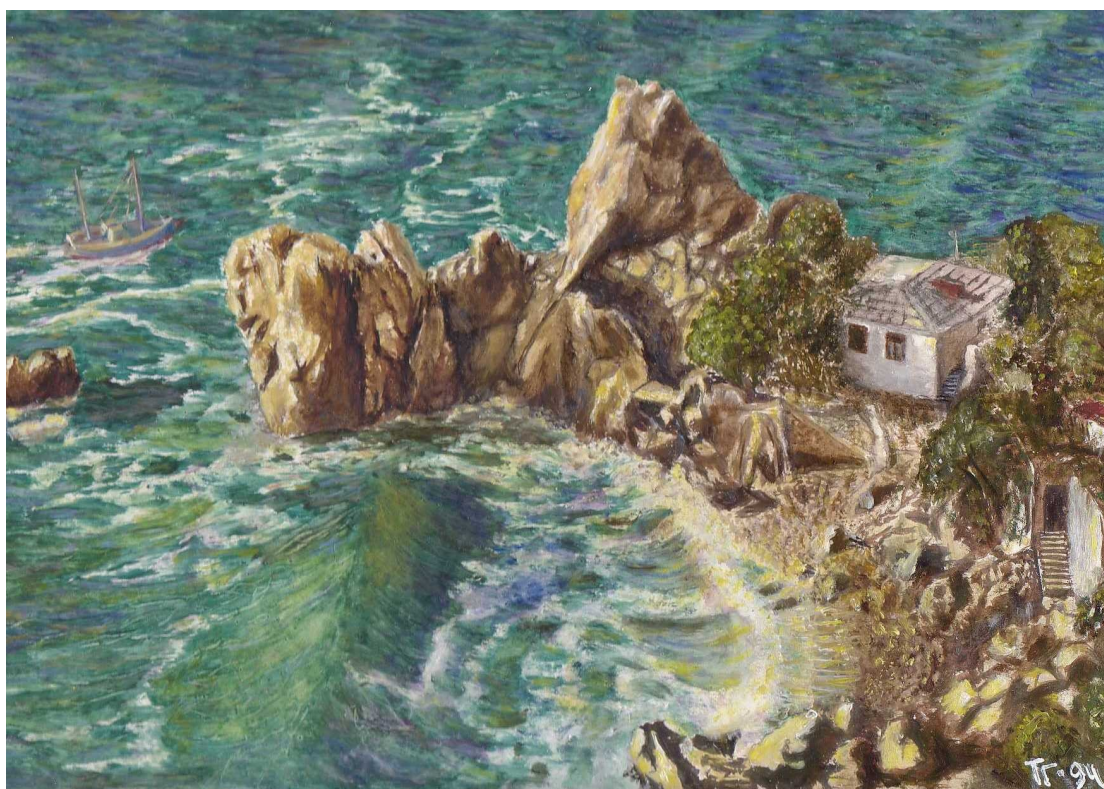
Татьяна ГАВЕНКО
Бишофсхайм

Татьяна Гавенко родилась в Кишинёве, там же окончила школу и биофак университета.

Работала в научных институтах и в университете, была экскурсоводом.

После аспирантуры в Ялтинском Никитском Ботаническом саду написала диссертацию. Рисует, пишет стихи. В Ялте трудилась педагогом-организатором, художником в МЦД «Артек». Из окон общежития «Скальное», где она жила, открывался чудесный вид на море, Чеховскую бухту, домик Чехова...

В Германии Татьяна - с 2000 года.

Бухта Чеховская